

Рассказ, который вы прочтете ниже, написан уже давно. Он хранился в школьном музее с. Паново, созданном в 1972 году в честь 50-летия образования СССР. Всего скорее, его автор был очевидцем того огромного горя, которое лавиной обрушилось на село в один из дней войны. Нынешний руководитель музея, завуч по воспитательной работе В. А. Шнайдер, говорит, что возможно когда-то рассказ и публиковался в местной газете, но его текста нет даже в районном музее. Мы решили опубликовать «Стон села», сохранив и название, и весь текст без сокращений и изменений, отрываясь от привычного ритма и сочувствуя горю живых. Пусть эти письма, фамилии и пановцы, и другие жители района, пусть еще раз поклонятся они всем павшим на этой жестокой войне.

Стояла июльская жара. Горела тайга. Дым так застил низины, что ближние острова Нишкага и Басковой не просматривались, хотя до них и рукой подать. Ангара темнела от дыма и густела, и казалась тихой и исподневной.

Закат в суботний вечер был необычным: фиолетово-розовые круги долго блуждали по небосводу. Люди говорили, что это не к добру, суеверные крестились.

С Курейного плыли четыре шитика, едва не черная бортами воду. Догоняя их от Басковой отчалила лодка. Уставшие на сенокосе люди возвращались из бригад домой, чтобы вдоволь нахлебаться в бане березовым веником, а вечером побывать на хороводе. Вот с реки донесли слова:

Моряк сядет и уедет,

Я останусь здесь одна...

Им вторили сенокосцы с Курейного — песню «Скакал казак через долину». Эхо далеко разносило голоса певцов.

— Бабы, а ведь это Лушка Зарубиха выводит, — обратилась к стоящей у почты толпе Ефросинья Матвеевна. — Поют девки, а ребята... Я уже два месяца не получаю весточки. Живы ли Коля, Лева и Миша?

— Вани тоже давно нет писем, — жаловалась Екатерина Мишкиных.

— Коля написал, что идет в бой и как в воду канул, — плакала Татьяна Кузминых.

...Почтальон Иван Селягин поднялся у кузицы. На этот раз передвистая трель валдайских бубенцов почему-то не звала сельчан к почте. Он не остановился у ее крыльца, как делал раньше, а проехал к сельскому Совету. Там передал пакет под сургучными печатями и вернулся сдавать почту.

— Не густо, — вытряхнув на пол несколько солдатских треугольников из брезентового мешка, засвидетельствовал Тимофей Белов.

— А может еще идут письма-то, — вмешался подошедший Филипп Нестерович Панов, один из старожилов села.

— Может. А может и ждать уже не от кого. Опять пакет в Совет привезли. Читают, сама видела, — возразила рассерженная правления колхоза.

Стон села

— И вправду, бабы, пойдем туда, узнаем, что привезли. С утра сердце щемит, — позвала Ефросинья и первая шагнула в сторону сельсовета. За ней, спрятав натруженные руки под передники, шли остальные женщины. Возле угла избы читальни они остановились, о чем-то поговорили и с поднятыми головами зашли в помещенье.

— Катерина, — обратилась громкоголосая Ефросинья к председателю исполкома сельсовета, — говори правду, не мучь грешных. По глазам твоим вижу, что-то не ладно.

— А ничего, женщины, сегодня нет. Пакет из Кемжи получили о заготовке кормов.

Ей не хотелось в этот суботний вечер омрачать горем отдых уставших людей, она решила еще на полсугок отодвинуть беду, предвещую в село. Раньше так делала: держала по две-три недели похоронки в железном сейфе, надеясь на ошибку фронтového писаря. Ведь был же такой случай с Терентием Сидных?! А с Нилом Лаврентьевичем? Пришла на него похоронка, затем вторая, а он врует.

Одна похоронка. Ее вручат жутко, а тут сразу девять! Ей было жаль людей, боялась признать, узаконить гибель еще одиннадцати сельчан.

— Читай, — наседали женщины, — все равно знаем.

И тут она подумала: «Неужели знают? Неужели про-

говорился почтальон? Если сказал — не простят». Ей стоило большого труда астащить ключ в замочную скважину железного сейфа и открыть дверцу. Она дрожащими руками наполнила стакан водой, промочила горло, а затем взяла серые полуквадратные бумажки, где печатные буквы переплетались с чернильным текстом. В кабинете наступила могильная тишина. Все ждали страшную весть.

— Товарищи! — хриплым голосом сказала председатель исполкома Совета. — Держитесь крепче, нас постигло большое горе. И стала читать первую похоронку: «Уважаемая Ефросинья Ивановна, сообщаем, что ваши сыновья Лева, Николай и Михаил пали

смертью храбрых, отстаивая честь и независимость нашей Родины».

Высокая, стройная Ефросинья какую-то секунду не верила прочитанному, затем присела, выкрикнула материнское «НЕ!» и разразилась истерическим смехом. Она наматывала седые пряди волос и рвала их, как лен, но ее никто не унимал. Знали: открытается — легче будет.

В такие минуты удерживать людские слезы трудно, они катились ручьями у всех. Стоявшая с Ефросиньей старушка, крестьянка, молвила: «Царство им небесное, пусть будет земля пухом». Люди плакали навзрыд, не стесняясь друг друга. Они не знали, что в оставшихся восьми бумажках еще восемь преждевременных смертей.

Через час плакали в семьях Ивана Филипповича Карнаухова, Ивана Васильевича Панова, Николая Иосифовича Непомнящих, Ивана Федоровича Панова, Якова Ильича Владимировича, Павла Ивановича Саватеева, Георгия Петровича Черных, Алексея Петровича Панова, погибших под Москвой и Сталинградом.

ЭТО БЫЛ СТОН СЕЛА, ОТПРАВИВШЕГО НА ЗАЩИТУ РОДИНЫ В ГРОЗНЫЕ ГОДЫ ВОЙНЫ ОКОЛО ПЯТИСОТ МУЖЧИН...

Г. ПАНОВ.